

Анастасия Мамаева

В ПЛАТЬЕ СО ШТАМПОМ

16+

Анастасия Мамаева

В платье со штампом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42733552

SelfPub; 2019

Аннотация

Дневник современной девушки: откровенный, жизнерадостный, искренний, эмоциональный. Основная идея: в жизнь героини входят люди и события, оставляя свой след. Она внимательно наблюдает мир вокруг и внутри себя, ищет саму себя и находит – рядом с мужчиной ее мечты.

Содержание

Апрель	4
Май	8
Июнь	14
Июль	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Апрель

4 апреля

Если бы я появилась на свет не 25 лет назад, а сегодня, то у меня были бы все основания сказать, что в день, когда я родилась, мир встретил меня неприветливо.

Я стою на остановке, жду автобус, который меня увезет отсюда, из поселка моих родителей к себе домой, в город. Видите меня? Да вот же я – засунула руки в длинные рукава свитера, хотя вовсе не холодно – просто надо чем-то занять руки. Наконец сажусь в автобус, протягиваю деньги водителю. Да, мне 25 с половиной, я сижу на переднем сиденье, и всю дорогу смотрю, как передо мной меняется небо, а на холмы заползает хвост автомобильной змеи. Мои губы не накрашены, на ногтях нет лака. Рядом со мной – большая сумка с продуктами, собранная мамой. Когда я выхожу на своей остановке, меня никто не встречает. Словом, все говорит о том, как запущена моя личная жизнь.

6 апреля

Наташа знакомит меня с ее подругой – Ларисой. На вид ей ориентировочно лет 35-38. У Ларисы светлые, завитые волосы, на губах – дурацкая оранжевая помада. Лариса бисексуальна. Мне это кажется любопытным и я задаю Ларисе всякие глупые вопросы. Та терпеливо отвечает. Наташа время от времени хихикает. Когда Лариса предлагает нам с Ната-

шей придти на вечеринку бисексуалок в следующую субботу, мы соглашаемся.

13 апреля

До чего же весело находиться в комнате, где все присутствующие – женщины, и каждая – бисексуальна. Мне очень легко, но кажется, будто кончики моих нервов превратились в тревожные ножки двенадцати тысяч пауков. Все вокруг улыбаются, пьют красное вино, мартини, болтают о работе, но стоит любой из нас провести рукой по шее, плечу, коснуться груди, как множество цепких женских (или неженских?) взглядов следят за этим твоим движением. И странно – встретишься взглядом и знаешь: сейчас она думает о тебе и представляет тебя в своей постели.

Мы были уже веселы и откровенны, когда пришла крупная женщина лет тридцати пяти и села рядом со мной, разгладив свою короткую клетчатую юбку. Она плакала, и бормотала, что-то про мужчин, я слушала молча и подливала в ее бокал спиртное.

– Обозвал меня старой уродиной... – и слезы из ее глаз часто-часто закапали в рюмку с текилой и на столовые приборы, которые я перед ней положила.

– Однажды мне тоже так сказали, – сказала, сидящая напротив нас, женщина с внимательными темными глазами, и пригладила свои коротко остриженные волосы у висков. – Тогда шла домой и плакала, по пути увидела трех детей лет четырех-пяти. Зашла в магазин, купила шоколадные конфе-

ты и стала угощать ими детишек. Они говорили по моей просьбе: «Тетя, ты такая красивая! Очень-очень красивая!».

Посмотрев с иронией, как гостья вытерла щеки, выпрямилась и потянула на себя миску с салатом «Оливье», женщина с внимательными темными глазами продолжила:

– И, знаете, ведь они и в самом деле думали, что я красивая. Немного конфет – и вот уже несколько человек считают меня красивой, и восхищаются мной. Я тогда еще подумала, что этих детей нужно брать с собой на свидания. Может, он им поверит...

– Да... с детьми надо не только ходить на свидания, с ними надо жить, – реплика принадлежала толстой светловолосой даме, замужней, и очень часто, как мне сказали, посещающей такие женские собрания. – Тогда сможешь удивляться всему. Понимаете? Ну вот для ребенка радуга – это «каждый охотник желает знать, где сидит фазан». А что такое радуга для нас? Что-то такое на небе и все, – и тут она хмыкнула.

– Для женщин у этой фразы есть другое толкование, – сказала нам женщина с внимательными глазами.

– Какое же? – азартно вскрикнула толстая дама.

– Каждый мужчина – это охотник, и его влечет к редким и вкусным птицам.

Какой-то женский голос зло захохотал, выкрикивая «это точно! Все так и есть!». Но больше было вздохов, и грусть словно кистью мягко провела по лицам женщин.

– Назвал старой уродиной, – жалобно протянула клетча-

тая гостья, давясь то ли слезами, то ли зеленым горошком, и закрыла руками лицо. Плечи ее затряслись.

– Так, хватит. Вставай. Вставай, пойдем со мной, я тебе помогу, – сказала одна сухонькая женщина, встав из-за стола, улыбаясь так, чтобы все понимали, какого рода будет эта помощь.

Заплаканная гостья тоже поднялась, нерешительно улыбаясь, и подошла к ней, и вместе они выглядели странно. Сухонькая женщина была гостье по плечо. Между тем, они взялись за руки и направились в комнату. Я смотрела, как клетчатая юбка гостьи – очень короткая – волнуется при каждом движении своей хозяйки. Странно, но эта юбка во мне что-то перевернула, и я не могла больше выносить взгляды сидящих за столом. Я выпила еще бокал вина, но так как лучше мне не стало, я выбралась из-за стола, потянула за собой Наташку. Мы оделись и поехали по домам.

– Ну и какие твои впечатления? – спрашивает меня Наташа.

– Цирк какой-то, – отвечаю.

– Да, согласна с тобой. Все очень искусственно.

Май

21 мая

Близится лето и по ясным вечерам, солнце опускает на землю тонкую вуаль цвета красного золота: на блеклую прошлогоднюю траву, на усталые лица людей, делая их красивыми и вечными, на стволы сосен – и тогда их цвет становится похож на цвет моих волос, и я говорю себе:

Видишь, Юлька, ты не одна.

26 мая

Зашли с Наташей в кафе на Владимирском. Оно небольшое и уютное – невысокий потолок, арки из красного кирпича, ковры на стенах, на коврах всегда прохладно поблескивают сабли, кортики и кинжалы.

Тут же высокий круглолицый парень протянул нам меню. – Девушки, проходите, я сейчас к вам подойду, – сказал он, улыбнулся и выбежал на улицу.

Мы заказали десерт и мартини (бьянко со льдом и лимоном – великолепная вещь). Только сделали пару глотков, и к нам подошел тот же парень. У него в руках тарелочка с нарезанной дольками дыней. Он садится за наш столик и представляется ночным администратором. Говорит, что сегодня не его смена и он может выпить с нами. Его зовут Ваня и, конечно же, он надеется, что он нам совсем не помешал напиваться мартини (он так и сказал: напиваться). Совсем на-

оборот, он хотел бы отвлечь нас от мартини некоторыми историями, случавшимися в его смену.

– Пока вы все еще не пьяны, я расскажу вам странную и нисколько ни веселую историю, – загадочно поведал он, выкладывая из кармана своего черного кожаного пиджака пачку сигарет и зажигалку.

– Эмм... Так вот... Как-то я подсел к девушке. Она сидела одна, во-о-он там, – Ваня качнул головой и глазами указал на столик у противоположной стены, в котором ничего особого не было, разве что на свисающей складке скатерти зияла замечательная и безупречная по своей форме дыра, видимо прожженная сигаретой.

Ваня тронул колесико зажигалки, глубоко затянулся и, прищурившись, выпустил вверх струю дыма.

– Я даже не успел ей представиться, – продолжал он, а мы с Наташей продолжали поглощать мартини через трубочку. – И... Она первая из нас открыла свой ротик и сказала, что абсолютно не верит в то, что человек – хозяин своей судьбы... и... э-э-э, Димочка, – Ваня подозвал официанта. – Димуля, мне водку и сок, я сам смешаю, ага? ...Так вот, я попытался пошутить, сказал, что не все же без способностей. Девушка совсем не обратила на мои слова внимания и продолжила: «Очень скучно жить. А жить я буду еще долго – Вы посмотрите на мои линии!». Тут она протянула ко мне свои руки ладонями вверх. «И знаете, что остается делать? Ничего! Ничего не делать и ничего не пытаться изменить.

Как смотреть на проплывающие берега. Вы когда-нибудь катались на катере или на лодке? Ну? Ведь это счастье, правда? Это настоящее счастье – такое равнодушное созерцание...». Она часто заморгала – ну вот как будто вдруг пересохли линзы (сам линзы ношу, между прочим), скривила губы, сказала: «Я, знаете ли, решила начать курить», а потом поднялась и вышла из кафе... Ну вот такая странная история. Гм.

Остальные Ванины истории были смешными и легкими, и они растворялись в воздухе среди запахов сигаретного дыма и какой-то еды. Ваня жадно поглощал свой коктейль, изредка надкусывая тонкую дынную дольку. Было видно, что он захмелел, и вскоре никакой логической связи уже не было между его историями. Впрочем, если бы она и была, то мы с Наташей все равно ее не заметили – допивали четвертый бокал мартини к тому моменту, когда заговорили о любви. О настоящей такой любви. Ваня с жаром рассказывал нам об истинно любовных отношениях:

– К примеру, мы поругались, и она меня послала к черту, оделась и ушла к подругам. А я через некоторое время приезжаю к этим подругам, беру ее за руку, сажаю в машину и увожу домой. Она на меня кричит и говорит о том, как она меня ненавидит. Это же... – лукаво поглядывает на нас Ваня. – Это же здорово! Многие не понимают, насколько ссоры сближают людей. Но-о-о, ссоры бываю разные. Бывает, люди молчат, дуются друг на друга, копят злость и раздражение в себе. Это ловушка. Когда люди любят друг друга, ссора обя-

зательно должна быть... э-э-э... открытой: с битьем посуды, с криками, предположительно с пощечинами, но-о-о заканчиваться она должна сексом! И вот они – прекрасные, бурные, близкие отношения!

– Ваня, – с придыханием говорит Наташа, – я хочу с Вами поссориться...

И мы втроем смеемся.

– Эммм... Вот, я хочу, чтобы у меня все было именно так, – немного помолчав, с какой-то грустью говорит Ваня. – И не смотрите, что у меня нет кольца на пальце. У меня все это обязательно будет – и жена, и прекрасные темпераментные отношения, и у нас будет сын... И знаете, как я его буду воспитывать, – Ваня опять загорелся. – Я не хочу, чтобы мой сын учился на пятерки, такие, знаете ли, как правило потом не находят себя в жизни. Пусть он будет троечником и пусть дерется на переменах. И у него будут рогатки и жучок в спичечной коробке. Потому что это должно быть. Счастливое детство. Пусть книги пылятся в шкафах, а он будет носиться по лужам, расчесывать царапины, и совать в коробку с жуком пойманных мух... Понимаете?

– Замечательно рассказываете, Ваня. И Вы романтик, – действительно, я не знала, что у мужчины могут быть такие мечты о ребенке, любви.

К нашему столику подошел крупный мужчина и протянул Ване руку, попрощался с ним, а нам с жуткой пошлой усмешкой сказал, что непременно бы присоединился к таким кра-

сивым девушкам как мы, но ждут дела... Я, шутя, протянула ему руку для прощального рукопожатия.

– Ну, до свидания, – говорю. Он же снова усмехнулся, взял мою руку и потянул к своему лицу, словно собираясь утереть вспотевший лоб. Я отдернула руку и растерянно посмотрела на Ваню. Он понимающе поджал губы, состроил гримасу вслед уходящему.

– Да, вот и такие бывают мужчины, Юль. Но-о-о, во-первых, он директор этого заведения, а во-вторых, он тоже романтик. Нет, правда! Могу поспорить, что он сейчас сидит в машине и настраивает магнитолау на волну Лав-Радио. Оно его любимое. Да-да.

Я хмыкнула и посмотрела на часы:

– Проводите нас, Ваня, до метро. А сами Вы где живете?

– А я останусь здесь. Я обычно сплю вон там, – Ваня махнул рукой в сторону. – В банкетном зале...

И увидев наши изумленные лица и приподнятые брови, добавляет:

– Ну-ну, не смейтесь. Зря вы так. Там отличные, мягкие, удобные стулья...

Ваня провожает нас до метро. На эскалаторе мы делимся впечатлениями.

– Он прелесть, – говорит Наташа.

– Ага. Это его совершенно прелестное «но-о-о». Как у учителя. Но-о-о такой болтун.

– Да, но приятный болтун, правда? Просто фееричный.

Я соглашаюсь.

Снова 26 мая

Ну вот. Не проспав и пяти минут, я кричу и резко сажусь на постели. Приснилось, что какой-то парень со злостью бросает на мою постель белое одеяло. Странно, кажется, я действительно это видела – что-то светлое летело на меня, но растаяло, пока я открывала глаза. Включаю свет и радио – все, уже не так страшно. Оглядываю комнату, и, бросив взгляд на часы, отгоняю тревожные мысли, выключаю свет. Снова ложусь, моя голова тонет в луже лунного света, пролитого на изголовье кровати. Спать, спать, спать...

Июнь

15 июня

У меня появились друзья. Неожиданно, как все хорошее. Нас теперь – целая компания из шести человек. И среди них – мой любимый человек, мой мужчина. И странно все это: жила себе по-тихоньку, и была весна, и прошла весна, я была одинока, а потом – р-р-раз! – и я на кухне в его квартире. Вместе готовим свекольный салат и раскладываем его на белые тарелки. Я беру в руки три тарелки, Андрей намерен унести оставшиеся четыре сразу. И он это замечательно делает – одну тарелку кладет на другую и смущенно относит в комнату, где у белого круглого стола сидят наши друзья. Андрей спокойно раскладывает на столе тарелки. Девчонки возмущенно пытаются оттолкнуть тарелку, которая снизу запачкана салатом, но Андрей упорствует, говорит:

– Ничего, я же все вымою! – и вкладывает грязную тарелку в руки моей темноволосой подруге.

Андрей улыбается всем как мальчишка и, шутя, озадаченно запускает в волосы руку. Моя темноволосая подруга, смеясь, вытирает тарелку салфеткой. Андрей садится на кровать, прислоняется спиной к стене. Стена позади него без обоев, окрашена простой краской, она голубая, пустая, холодная. Как небо в морозные дни.

Июль

3 июля

Возвращаюсь в город после двухнедельного отдыха у родителей, и в этот же день встречаюсь с некоторыми из наших общих с Андреем друзей, и мы пытаемся остыть в кафе при помощи мартини со льдом.

– Я предлагаю поменять измерение времени, – говорит Миша. – Чтобы время отсчитывало не секунды, а удары мяча об асфальтовую площадку. Представляете, утренний выпуск новостей и внизу экрана, слева, – не 7.16, например, а 0000000. И всем, всему миру останется только ждать, пока какая-нибудь воспитательница не выведет детскую группу на прогулку, часов в 11 или 12, и маленький мальчик не возьмет в руки мяч.

Мы молчим. Миша может предложить все, что угодно – прогулку в шляпах, обучение танцам прямо в переполненном вагоне метро, и много чего еще.

– Глобально ты мыслишь, Миш, – наконец сказал Дима. – Может быть стоит начать менять мир с чего-то более мелкого?

Я согласна с Димой. Давайте начнем с того, что попросим владельца кафе отремонтировать кондиционер, – раздраженно говорит Катя.

Мы поддерживаем ее идею. Но ни один из нас не встает

из-за столика – так и сидим вчетвером, молчим и при помощи трубочек, льда и пустых бокалов пытаемся создать мелодию. Андрея с нами нет – он уехал в Зеленогорск на три дня. С моей темноволосой подругой.

4 июля

– Ну... он взял ее просто для компании, – предполагает Наташка на следующее утро, к сожалению, рабочее.

– Да. Я тоже так думаю.

И вздыхаю, и вожу кончиками пальцев по поверхности стола.

– Мы договорились встретиться за городом. На выходных. Только через пять дней.

– Ох... Бедная ты моя... – Наташка качает головой.

– Что? – улыбаюсь я. – Переживаешь за меня?

– Переживаю, конечно, – она вздыхает.

– Из-за Андрея? – интересуюсь я.

– Да... Ну и вообще... Из-за этой твоей неустроенности... – мурлычет она.

Я кладу руку ей на плечо, и Наташка вздрагивает.

– Не переживай, – говорю. – Пойдем лучше погуляем после работы.

Наташка выше меня на полголовы, в полтора раза крупнее, и как минимум во столько же раз я ее симпатичнее. Поэтому когда мы заходим в кафе после работы, чтобы выпить martini и съесть мороженное с горячими вишнями, и знако-

мимся там с двумя молодыми людьми, номер телефона они оба просят только у меня. Одного зовут Сергей, второго – Виталий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.